

В фондах российских и зарубежных архивов

УДК 930.25(093)

А.А. Арескин

**Документы Госархива Владимирской области
об эвакуированных на территорию региона в годы
Великой Отечественной войны**

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуированные, единая электронная база данных, Государственный архив Ивановской области, архивный отдел Администрации г. Гороховец Владимирской области, Государственный архив Владимирской области.

В истории Великой Отечественной войны тема эвакуации граждан из прифронтовых территорий в глубь страны и обратно остается относительно малоизученной на фоне интереса к личной истории человека, отдельно взятой семьи. С учетом этого во многих столичных и региональных архивах ведется работа по составлению баз данных эвакуированного населения. Уже есть база данных о гражданах, эвакуированных из прифронтовых регионов в г. Киров, из Ленинграда – в Ярославскую область; в процессе разработки БД эвакуированных из Ленинграда в Горьковскую область и г. Горький. Более того, перечнем поручений Президента Российской Федерации от 4 марта 2020 г. № Пр-433 предусмотрено оказание содействия в предоставлении создаваемому в Санкт-Петербурге интернет-порталу «Книга памяти блокадного Ленинграда» содержащейся в архивных документах информации о лицах, проживавших в Ленинграде в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в том числе умерших либо эвакуированных в другие регионы. Появление такого массива информации открывает возможности для новых фундаментальных исследований.

История эвакуации населения нашла освещение в ряде подготовленных архивистами журнальных статей и публикаций¹, а также сборников документов. Среди последних, например, издания архивов Нижегородской и Владимирской областей². Однако во владимирский сборник включен лишь ряд документов о размещении на территории края эвакуированных. В настоящей статье охарактеризуем весь их комплекс, отложившийся главным образом в фондах Государственного архива Владимирской области (ГАВО).

Изучая события, происходившие в годы Великой Отечественной войны на территории современной Владимирской области, следует учитывать, что она как административно-территориальная единица была создана 14 августа 1944 г., а до того ее земли входили в состав Горьковской, Московской, но в основном Ивановской области. Соответственно за этот период военного времени в ГАВО имеются документы лишь низового звена (городских, районных, сельских советов и партийных организаций), а также различных учреждений. Документы таких органов власти, как областные Советы и комитеты партии,

которые регулировали процессы эвакуации и реэвакуации, находятся в облгосархивах соседних регионов, в том числе в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО).

В первые же недели войны в Ивановскую область стали направлять эвакуированных из западных областей, Москвы и Ленинграда; возвращались также работавшие там местные жители. Через Ивановский эвакуопункт № 35 шли потоки эвакуированных из северо-западных районов страны, в том числе из Ленинграда. Прибывавших из Белоруссии, Западной Украины, Смоленской области распределял Московский эвакуопункт № 33. Уже 5 июля 1941 г. в Иваново было создано Управление по эвакуации населения по Ивановской области (Эвакуоуправление), а переселенческий отдел облисполкома реорганизован в эвакуоотдел³.

Кроме того, Ивановская область оказалась транзитной зоной: через нее по Ярославской, Горьковской и Казанской железным дорогам эвакуированные направлялись за Волгу, на Урал, в Западную Сибирь и Казахстан. Крупными транспортными узлами стали города Александров и Муром. Так, через станцию Муром проследовали в Горьковскую область и на Урал в июне 1942 г. шесть эшелонов эвакуированных, в июле – 21, в августе – восемь⁴. Часть граждан по разным причинам снималась с эшелонов и оставалась в транзитных городах.

Однако именно Владимир война поставила в особое положение по сравнению с другими городами региона. В докладе о работе Владимирского горсовета за второе полугодие 1941 и 1942 гг. отмечалось, что движение с востока страны на запад и в обратном направлении не могло идти, минуя город, расположенный на магистральных железной и шоссейной дорогах, поэтому «Владимир должен был стать приемником безродных детей и людей истощенных, так как ни на одной станции от Горького и от Иваново до Владимира этих детей и людей не снимали, а, наоборот... на станциях сажали в поезд и направляли во Владимир»⁵.

Из городов прибывшие распределялись по районам. Об этом свидетельствуют документы городских и районных исполкомов, при которых создавались соответствующие комиссии. Однако в отчетах последних фигурируют лишь общие цифры. Так, в г. Гороховец первый эшелон с эвакуированными прибыл 9 июля 1941 г.; 343 человека разместили в городе и окрестных колхозах, 25 сентября здесь находилось уже 2800 человек. В июле 1941 г. в Вязниках были устроены эвакуированные из Карело-Финской, Латвийской и Эстонской ССР.

В 1942 г., когда началась массовая эвакуация населения из Северной столицы, Ивановская область стала одним из центров его размещения. Ивановский обком ВКП(б) и облисполком выпустили последовательно, 18 января и 27 февраля 1942 г., постановления под одним названием – «О размещении и обслуживании эвакуированных жителей г. Ленинграда», которыми советские и партийные органы обязывались обеспечить подготовку жилья для эвакуированных, их трудоустройство, организовать медицинскую помощь и общественное питание⁶.

Эшелоны с ленинградцами двигались по Ярославской железной дороге через станцию Александров. Как свидетельствуют документы Александровского горкома ВКП(б), первый эшелон пришел на станцию 22 февраля 1942 г.; с 9 марта они прибывали ежедневно, а в отдельные дни – непрерывно. В одном эшелоне могло ехать до 3 тыс. человек. За период с 22 февраля по 1 июня 1942 г. через

станцию проследовало свыше 100 эшелонов (это более чем 200 тыс. человек, из них 44 500 детей и 5482 учащихся ремесленных училищ)⁷; 600 человек было снято с поездов и оставлено в больницах городов Александрова и Струнино. Ряд документов, в частности докладные записки отделов здравоохранения горисполкомов, воссоздают трогательную картину встреч ленинградских эшелонов местными жителями, предлагавшими блокадникам продукты питания (медработникам пришлось просить милицию устроить живые заслоны, чтобы оградить прибывших от неконтролируемого приема пищи, опасного для голодавших людей). Сохранилась станционная тетрадь отзывов, судя по которым, больше всего ленинградцев подкупало «внимательное и теплое отношение к эвакуированным» (запись начальника эшелона № 529), раздача талонов на питание по вагонам, а не в общей очереди, качество пищи, быстрое медицинское обслуживание, хорошее снабжение эшелонов дровами и свечами. Начальник эшелона № 31 научных работников и деятелей искусств Ленинграда 11 марта 1942 г. сделал такую запись: «Питание было организовано быстро, качество и количество пищи прекрасное. Прекрасно организовано также медицинское обслуживание»⁸. Видимо, то, что получали ленинградцы в Александрове (горячая пища: картофельное пюре и молоко), превосходило ожидания голодных людей, проследовавших с эшелонами через разоренные оккупантами области.

Протоколы заседаний горисполкомов, отчеты их военных отделов содержат разнообразную информацию о жизни прибывших. Для них определялись места проживания (как правило, бывшие рабочие общежития, бараки, помещения учебных заведений, клубов), выделялись фонды питания и топлива; они проходили санобработку, трудоустраивались; им оказывалась помощь деньгами, одеждой и обувью, выделялись земельные участки под индивидуальные огороды и т.п. Эвакуированные также работали по мобилизации на погрузке дров, строительстве дорог и мостов и др.

Документы отмечают возникшие с осени 1941 г. трудности с обеспечением эвакуированных жильем, продуктами питания, зимней одеждой, дровами. Например, в документах Ковровского горкома ВКП(б) имеются сведения о том, что прибывшим в Ковров в феврале 1942 г. ленинградцам, размещенным в школе ФЗО, клубе им. Ленина и клубе им. Ногина, полагалось на каждого по куску хозяйственного мыла, которого, однако, не оказалось, и пришлось просить у Горьковского жиркомбината ускорить его отгрузку, а у Горьковской железной дороги – выделить два вагона для перевозки⁹. Появились случаи, когда из-за неустroенности с жильем и питанием эвакуированные уезжали в более благополучные области. Несмотря на то, что 9 апреля 1942 г. обком и облисполком потребовали от исполкомов немедленно исправить положение¹⁰, такого рода факты продолжали появляться. Например, в Фоминском районе, где на 6 августа 1942 г. разместили 2059 человек (детей до 14 лет – 956, мужчин – 170, женщин – 933; из них 58 ленинградцев), как свидетельствует докладная записка в райисполком инспектора по хозяйстройству эвакуированного населения Фоминского района Милушечкина, «со снабжением продуктами питания эвакуированных дело обстоит очень и очень плохо. Особенно плохо тем, что дети, которые находятся при матерях, матери работают в колхозах или в учреждениях. Круп и жиров дети нашего района совершенно не видят. Де-

тей возраста восьми месяцев и дальше прикармливать совершенно нечем»¹¹. При этом в связи с полным отсутствием тракторов и нехваткой лошадей в колхозах дрова приходилось носить на себе из леса. Некоторые граждане не работали из-за отсутствия обуви и одежды.

Что касается документов, позволяющих представить точную численность и места размещения на территории современной Владимирской области прибывших граждан, то они отложились в фонде Ивановского областного переселенческого отдела в ГАИО. Там имеются эшелонные списки эвакуированных, списки размещенных в районах Ивановской области граждан из оккупированных областей, списки и личные карточки детей, вывезенных из блокадного Ленинграда¹².

Вместе с тем в фондах ГАВО выявлено несколько комплексов архивных документов с персональной информацией об эвакуированных. В первую очередь, это списки эвакуированных граждан. В связи с малочисленностью данного вида источников особую ценность представляют сохранившиеся в фонде Кольчугинского районного Совета депутатов трудящихся списки эвакуированных, размещенных на территории района на конец 1941 г.¹³ Большая их часть составлена на бланках, напечатанных по заказу Переселенческого управления при СНК СССР в типографии газеты «Известия» 8 июля 1941 г. В них содержится довольно полная персональная информация: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, профессия, национальность, место работы до эвакуации, место размещения членов семей по сельсоветам. Некоторые списки написаны от руки на листе бумаги или в школьной тетради и снабжены перечнем лиц в алфавитном порядке.

По факту прибытия эвакуированных местными органами составлялись также списки на выдачу продовольственных карточек, талонов на промтовары, на получение дров и т.д. В ГАВО такие списки выявлены по Фоминскому району за 1942–1943 гг.¹⁴, причем в них представлены сведения как об эвакуированных, так и о семьях военнослужащих. Еще одна особенность – наличие в них информации о прибывших из Горького¹⁵. Эти списки рукописные и иногда содержат кроме фамилии, имени, отчества и места жительства информацию об общем числе членов семьи. В нескольких списках зафиксированы выбывшие из Фоминского района в период с октября 1941 г. по март 1942 г. с указанием места убытия, например, в Уфу, Казань, Куйбышев, Чкалов, Ташкент, Новосибирск¹⁶.

В документах отдела народного образования исполкома Курловского районного Совета депутатов трудящихся отложились составленные от руки чернилами и подписанные председателем сельсовета или заведующим местной школой списки эвакуированных вместе с родителями детей, принятых в школы в августе–сентябре 1941 г. В них отмечены год рождения или возраст ребенка, наличие родителей и их местонахождение, адреса прежнего проживания и в эвакуации¹⁷.

С 1943 г., когда приступили к постепенному возрождению экономики, стали вести списки эвакуированного населения с указанием профессии. В ноябре–декабре 1943 г. ввиду необходимости восстановления угольной промышленности Донбасса среди эвакуированных провели выявление инженерно-технических кадров этой отрасли и работников железнодорожного транспорта. В первом полугодии 1944 г. по вызовам выехали железнодорожники, а в марте–апреле –

кадры для восстановления завода «Электросила» в Ленинграде (в первую очередь туда направлялись его бывшие специалисты или эвакуированные ленинградцы). С апреля 1945 г. во Владимирской области началась мобилизация ленинградцев для работы на ленинградских предприятиях Наркомата бумажной промышленности. Несмотря на масштабность процесса, в фондах ГАВО документы, связанные с возвращением на производство, отложились по двум районам: Юрьев-Польскому на май 1945 г. – рукописные списки граждан, эвакуированных из Ленинграда (97 человек)¹⁸, с указанием возраста и профессии главы семьи, дат рождения детей, места работы до и во время эвакуации, количества багажа, реквизитов справки об эвакуации и паспорта, а также Муромскому – на 23 мая 1945 г.¹⁹

В документах некоторых фондов выявлены списки возвращавшихся на места прежнего проживания. 21 сентября 1943 г. решением Ивановского облисполкома была разрешена реэвакуация в Смоленскую²⁰, в августе 1944 г. – в Калининскую и Ленинградскую области; в октябре–ноябре 1944 г. – в Латвийскую, Эстонскую и Карело-Финскую ССР. Возвращение шло медленно, властями принималась во внимание потребность в рабочих профессиях на местах. Колхозы производили полный расчет за отработанные трудовни, оказывали помощь, снабжая в дорогу хлебом и картофелем. В 1946 г. через оповещение по радио эвакуированные, желавшие вернуться на родину, приглашались к регистрации. Райисполкомы подавали в облисполком списки реэвакуируемых граждан в целях определения нужного количества вагонов. Полная реэвакуация с территории Владимирской области завершилась лишь осенью 1946 г.

В документах фонда исполкома Муромского городского Совета депутатов трудящихся за 1944 г. сохранились списки эвакуированных и возвращавшихся из г. Мурома на прежнее место жительства в Калининскую и Ленинградскую области, в том числе во входившие в состав последней районные центры Псков, Новгород и прилегавшие к ним территории²¹. Составленные от руки, они содержат фамилию, имя и отчество членов семьи, год рождения, место временного проживания и возвращения. Здесь же отложились малочисленные списки реэвакуированных, отправленных 13 ноября 1944 г. из Мурома в Эстонскую²² и Карело-Финскую²³ ССР, Воронежскую область за январь 1946 г.²⁴, а также проживавших в Муроме и районе польских граждан, вывезенных на родину 19 марта 1946 г.²⁵

Персональные данные эвакуированных иногда встречаются в решениях городских и районных исполкомов, куда поступали их личные заявления об оказании материальной помощи (деньгами или одеждой) или по другим вопросам. Эти документы случайны и малоинформативны и, как правило, содержат минимальные сведения (фамилия, имя, отчество, в редких случаях состав семьи). Если же говорить отдельно о лицах, эвакуированных из Ленинграда, то в документах выявлены данные о 275 персоналиях.

Кроме ГАВО, сведения об эвакуированных и реэвакуированных жителях Ленинграда и Ленинградской области имеются в списках, хранящихся в составе архивного отдела Администрации г. Гороховца и относящихся к Гороховецкому и Фоминскому районам²⁶. Как и многие документы военных лет, они написаны на бумаге плохого качества и нестандартного формата, поэтому имеют высокую

степень износа. С учетом ограниченных возможностей муниципального архива ГАВО в первом полугодии 2020 г. провел на безвозмездной основе реставрацию этих документов и их оцифровку. Это 264 листа с данными о ленинградцах.

Помимо отдельных граждан, в города и районы Владимирского края эвакуировались детские учреждения. Так, в 1942 г. в Фоминском районе размещались детский интернат и школа для глухонемых детей, в 1943 г. в городах Суздале, Кольчугино, Вязники – эвакуированные из Ленинграда детдома²⁷; школа слепых во Владимире переведена в Горький, а здание отдано под детский дом из Смоленской области²⁸. На конец 1943 г. детские дома с эвакуированными находились в Вязниковском, Камешковском, Ковровском, Меленковском, Никологорском, Собинском районах. Всего к концу марта 1945 г. в области располагалось 39 детских домов и 12 интернатов с эвакуированными детьми (всего 4467 детей)²⁹. К сожалению, списков личного состава этих учреждений (педагогов и воспитанников) в фондах ГАВО не выявлено.

В 1944–1945 гг. по регионам страны был проведен сбор информации об эвакуированных из Ленинграда гражданских лицах для награждения медалями «За оборону Ленинграда». В протоколах районных исполнительных комитетов зафиксировано рассмотрение поручения Ивановского облисполкома о составлении таких списков, но сами они не обнаружены. Также в ГАВО нет ни списков рабочих, прибывших вместе со своим предприятием, ни сведений об эвакуированных, которые умерли и погребены на территории области. Не сохранились документы учета эвакуированных, составлявшиеся городскими уличными комитетами и домоуправлениями. В отчетах инспекторов по хозяйственному устройству эвакуированных, которые направлялись в соответствующий отдел облисполкома, фигурируют лишь общие цифры размещенных взрослых и детей, трудоустроенных, получивших материальную помощь деньгами, хлебом, картошкой, мануфактурой, обувью, мылом и т.д.

Таким образом, хранящиеся в фондах ГАВО персональные данные эвакуированных в годы Великой Отечественной войны на территорию области в значительной степени фрагментарны и единичны. Тем более ценным источником они являются и могут послужить подтверждением факта нахождения в эвакуации в военные годы, о чем свидетельствует рост запросов по данной тематике. Архив планирует создать и разместить в открытом доступе на своем интернет-сайте базу данных лиц, эвакуированных и находившихся на территории Владимирской области во время войны.

¹ Степанов К.А. Ленинградские дети на Ростовской земле в годы Великой Отечественной войны (по документам РФ ГАЯО) // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 82–87; «...Окружить вниманием и повседневной заботой эвакуированных». Документы Госархива социально-политической истории Тюменской области о пребывании в регионе в годы войны ленинградцев. 1941–1944 гг. / публ. Л.В. Шестаковой // Там же. 2010. № 6. С. 101, 102.

² Мы с тобой, Ленинград: (к 70-летию снятия блокады Ленинграда): [сб. док.] / Ком. по делам арх. Нижегородской обл., Гос. общ.-полит. арх. Нижегородской обл.; [сост. М.А. Марченко; авт. предисл.: М.А. Марченко, Н.Н. Толстова]. Н.Новгород, 2014; Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. арх. док. к 75-летию Великой Победы / Гос. арх. Владим. обл.; отв. ред. Н.Д. Максимова, сост.: Т.А. Лашманова [и др.]. Владимир, 2020.

³ ГАИО. Ф. Р-1510 «Ивановский областной исполком». Оп. 1. Д. 2101. Л. 120.

⁴ ГАВО. Ф. Р-22 «Исполнительный комитет Муромского городского Совета депутатов трудящихся, г. Муром Владимирской области». Оп. 5. Д. 17. Л. 20, 26, 27.

⁵ Там же. Ф. Р-19 «Владимирский городской совет народных депутатов». Оп. 1. Д. 1184. Л. 29.

⁶ Там же. Ф. П-100 «Владимирский городской комитет партии (Владимирский горком РКП(б)–ВКП(б)–КПСС–КП РСФСР)». Оп. 1. Д. 887. Л. 28.

⁷ Там же. Ф. П-119 «Александровский городской комитет партии (Александровский горком ВКП(б)–КПСС–КП РСФСР)». Оп. 3. Д. 93. Л. 69.

⁸ Там же. Д. 136. Л. 10.

⁹ Там же. Ф. П-116 «Ковровский городской комитет партии (Ковровский горком ВКП(б)–КПСС–КП РСФСР)». Оп. 1. Д. 101. Л. 11.

¹⁰ Там же. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 887. Л. 28.

¹¹ Там же. Ф. Р-2448 «Исполнительный комитет Фоминского районного Совета депутатов трудящихся, с. Фоминки Фоминского района Владимирской области». Оп. 4. Д. 8. Л. 64 об.

¹² URL: http://www.ivarh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=668&Itemid=511

¹³ ГАВО. Ф. Р-2714 «Кольчугинский районный Совет депутатов трудящихся». Оп. 2. Д. 57–59.

¹⁴ Там же. Ф. Р-2448. Оп. 4. Д. 8, 9.

¹⁵ Например, на 1 октября 1942 г. в Фоминском районе было размещено 797 человек из Москвы и 152 – из Горького. (Там же. Д. 8. Л. 103.)

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 11–18.

¹⁷ Там же. Ф. Р-3001 «Отдел народного образования исполнительного комитета Курловского районного Совета депутатов трудящихся, р.п. Курловский Курловского района Владимирской области». Оп. 1. Д. 13.

¹⁸ Там же. Ф. Р-2029 «Исполнительный комитет Юрьев-Польского районного совета депутатов трудящихся, г. Юрьев-Польский Юрьев-Польского района Владимирской области». Оп. 1. Д. 118. Л. 90–95 об.

¹⁹ Там же. Ф. Р-22 «Исполнительный комитет Муромского городского Совета депутатов трудящихся, г. Муром Владимирской области». Оп. 5. Д. 30. Л. 74–77.

²⁰ Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1200. Л. 137.

²¹ Там же. Ф. Р-22. Оп. 5. Д. 30. Л. 1–23.

²² Там же. Л. 32.

²³ Там же. Л. 39, 48, 100, 101.

²⁴ Там же. Л. 90.

²⁵ Там же. Л. 105–105 об., 117.

²⁶ Архивный отдел Администрации Гороховецкого района Владимирской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16; Ф. 109. Оп. 2. Д. 21.

²⁷ ГАВО. Ф. Р-3816 «Исполнительный комитет Кольчугинского городского Совета депутатов трудящихся, г. Кольчугино Владимирской области». Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

²⁸ Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1200. Л. 58.

²⁹ Там же. Ф. Р-3728 «Владимирское областное управление статистики, г. Владимир». Оп. 3. Д. 2. Л. 20, 21.

Список литературы

1. Степанов К.А. Ленинградские дети на Ростовской земле в годы Великой Отечественной войны (по документам РФ ГАЯО) // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 82–87.